

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Заочный круглый стол редакции журнала "Социологические исследования"

В 2004 г. журнал "Социологические исследования" провел заочный круглый стол по проблеме "Историческая социология: опыт и перспективы". Ряд специалистов ответили на подготовленные в редакции вопросы:

1. Как Вы определяете сущность и содержание "исторической социологии"; каково ее место в социологическом знании?
2. Имеется ли в исторической социологии – наряду с общим - собственный понятийный аппарат?
3. Какой видится Вам структура, состав исторической социологии?
4. Каковы актуальные проблемы исторической социологии сейчас и препятствия на пути их решения?
5. Историческое сознание, историческое знание, историческая память: что в этих понятиях общее и особенное?
6. Что такое личная историческая память?

Ответы публикуются.

АЛСТЕД Якоб (Ph.D, Дания).

1. Историческая социология - альтернатива социологии и истории. Но нужна ли им эта альтернатива? Нужна:

– Социология без истории дает крупномасштабные теории социальных перемен, но они не будут точны, если из не осветить основательным пониманием истории.

– История без социологии дает детальные кейс-стади по конкретным периодам или местностям в истории. Но если кейс-стади не включить в теоретические рамки, современник не многому научится из них.

Изучение социальных перемен требует и масштабного понимания и конкретных исследований истории. Историческая социология обеспечивает это сочетание.

2. У исторической социологии общий с социологией базовый теоретический аппарат, понятия и дилеммы. Некоторые социологи не отделяли историю от социологии [5, р. 230; 1, р.Х; 9, р. 47; 16, р. 97]. Следовательно, историческая социология не может не зависеть от общей социологии. Более того, ей приходится преодолевать те же проблемы теории, что общей социологии [2]:

– Дилемма агент-структура: насколько открыта история?

– Определение общества: следует ли понимать общества как контейнеры, сети или системы?

– Вопрос эволюции: релевантен ли концепт *эволюция* в исторической социологии, и если да, - в какой форме?

С другой стороны, историческая социология определенно дала что-то свое социологии, добавив историческую перспективу к перечисленным проблемам теории. Взять дилемму агент-структура. Спорят о том, есть ли история продукт выбора индивидов или структурных сил? Для исторической социологии этот спор часто сводят к вопросу: контингентно (открыто) или предопределено историческое развитие?

Берусь утверждать: большинство "мейнстрима" исторической социологии сегодня более или менее готовы считать историю открытой. Различия возникают в точном определении степени открытости.

Сказать: история открыта, - легче, чем доказать. Ситуации в истории бывают однажды, поэтому доказуемо ли, что одна и та же ситуация могла развиваться иначе? Кратко ответ таков: недоказуемо, но возможны умозрительные предположения. Историческая социология дала методы анализа, позволив показать, насколько и как открыта история.

1. Обратные примеры. Классический пример: "Если бы Гитлер выиграл вторую мировую войну, то...".
2. Деление истории на уровни. Фернан Бродель особо успешно использовал этот подход в экономической истории мира [3], выделив три уровня исторических последствий:
 - Длительная протяженность - уровень структур общества, где перемены очень медленны. Это уровень повседневной жизни.
 - Средний уровень - встреча структур и совпадения обстоятельств. Это уровень социальных иерархий, цивилизаций и государств.
 - Ритмы совпадения обстоятельств. Это уровень исторических событий. Бродель выделяет смену центров торговли и успехи (неудачи) конкретных групп общества.
3. Изучение альтернатив, видимо, присутствующих в конкретных периодах истории. Х. Спрют написал прекрасную книгу, используя этот метод [14]. Исследуя период 1100-1600 гг., он обнаружил соперничество трех форм государства – государство-город, город-лига, суверенное государство.
4. Построение сценариев. Сценарии – глубинный анализ возможностей разных результатов истории.

Таковы основные способы применения в исторической социологии идеи открытости истории к конкретным ситуациям. То есть, не утверждая, что историческая социология имеет свой аппарат, можно сказать: она внесла вклад в общую социологию.

3. Историческая социология привлекает способностью выявлять смысл долгосрочных тенденций человеческого общества. Фокус почти всех ее крупных достижений - изучение социальных перемен. Вот примеры историко-социологических исследований таких перемен:

- Почему модерн выдуман в Европе, а не в другой части мира? [6]
- Как развивалась власть в обществе в ходе мировой истории? [7, 8]
- Как развивалась техника управления в истории человечества? [4]
- Как возникло национальное государство? [15, 14]
- Каковы условия развития демократии? [10].

По-моему, такие труды - суть исторической социологии.

3. Наиболее остры в исторической социологии теоретические, как и в общей социологии, проблемы. В ней нет психологии. Жизнь индивидов, организаций и социума проходит под воздействием динамики бессознательного. Пока мы не поймем эту динамику, мы не можем полностью понять социальную жизнь. Как писал специалист в области исторической социологии Рансимен, у истории нет иных целей, кроме мотивов каждого человека [12, р. 297]. То есть, чтобы понять общество, нужно понять не только структуры и институты, но и мотивы людей. Мотивация людей много сложнее, чем допускают большинство социальных теорий. Можно ли надеяться понять хоть что-то в устройении общества без глубокого понимания психологии людей? Лишь при этом условии мы сможем конструировать более точные модели устройства общества. В последние годы социологи признали важность психологии. Рансимен констатирует, что психология указывает путь усиления социологической теории [11, р. 185]. Некоторые идут дальше: Н. Смелзер исследовал "социальные грани психоанализа" [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Abrams P.* Historical Sociology. Bath. 1980.
2. *Alsted J.* De menneskelige samfunds udvikling - en kritisk introduktion til historisk sociologi. København. 2001.
3. *Braudel F.* Civilisation materielle, economie et capitalisme. P. 1979.
4. *Finer S.* The History of Government. Oxford. 1997.
5. *Giddens A.* Central Problems in Social Theory. L. 1979.
6. *Hall J.* Powers & Liberties. Oxford. 1985.
7. *Mann M.* The Sources of Social Power. Cambridge. 1986.
8. *Mann M.* The Sources of Social Power. Cambridge. 1993.
9. *Mann M.* In praise of macrosociology: a reply to Goldthorpe // The British J. of Sociology. 1994, v. 45(1). Pp. 37-54.
10. *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Middlessex. 1966.
11. *Runciman W.* A Treatise on Social Theory. Cambridge. 1983.
12. *Runciman W.* A Treatise on Social Theory. Cambridge. 1989.
13. *Smelser N.* The Social Edges of Psychoanalysis. Berkeley. 1998.
14. *Spruyt H.* The Sovereign State and Its Competitors. Princeton. 1994.
15. *Tilly C.* Coercion. Capital and European States. Oxford. 1990.
16. *Wallerstein, I. e. a.* Luk samfundsvidenskabeme op! København. 1998.

БОБРОВ М.Я., доктор философских наук профессор, Барнаул.

1. К сущности исторической социологии относится время возникновения и развития социальных законов в эволюции Вселенной. А.П. Окладников писал: «История жизни, эволюция органичного мира на Земле разделяется на два различных и вместе с тем несоизмеримых по своей длительности этапа. Первый этап был временем возникновения и безраздельного господства биологических законов, он охватывал многие сотни лет, начиная с зарождения на Земле живых существ до появления человека. Второй этап несравненно короче. Это время, когда возникают... социальные законы" [1]. Законы исторической социологии относятся к социальным законам, время их возникновения и развития - существенный фактор.

Содержание исторической социологии включает ее общие и особые законы и категории. В структуру социосферы входят жизнь человека, социальной группы, гражданского общества и человечества. Эта жизнь подчинена тем же субстанциональным и структурно-функциональным законам. Поэтому социологию, изучающую эти законы социосферы, мы называем общей социологией. Доказано, что общие законы социологии являются и законами истории социосферы [2]. На грани общих законов истории и социологии социосферы образуется историческая социология [3]. Следовательно, если сущность ее проявляется во времени возникновения жизни человека и общества, то ее содержание - общие субстанциональные и структурно-функциональные законы.

2. В содержание общей исторической социологии входят и общие понятия: «человек», «социальная группа», «гражданское общество», «человечество», «социосфера» и др. В общей исторической социологии, как и во всякой общей науке, разрабатывается общий понятийный аппарат. Кроме общей исторической социологии, существуют особые исторические социологии: историческая социология первобытного общества, историческая социология рабовладения, средневековья, историческая социология первоначального накопления и постиндустриального общества.

Применяя метод восхождения от абстрактного к конкретному, нужно от общей исторической социологии перейти к анализу законов и категорий первобытно-общинного строя, затем рабовладения, средневековья, первоначального накопления капитала и постиндустриального, информационного общества. Возможность такого восхождения и разработки теорий исторической социологии обусловлена тем, что общие субстанциональные и структурно-функциональные законы социосферы в

процессе ее развития не исчезают и не отменяются людьми, а лишь меняют форму. Изменение формы общих законов, их эволюция имеет место в жизни социосферы и в природе вообще [4]. При анализе эволюции этих законов историческая социология разрабатывает собственный аппарат.

3. В структуру исторической социологии входят особые исторические социологии в последовательности, в какой шла эволюция ее общих законов. Эволюция законов имеет место не только в жизни всей социосферы, но и в ее исторически конкретных формах. В 1970-х гг. я рассмотрел субстанциональные и структурно-функциональные законы буржуазного общества [5]: эти законы имеют не только историческую форму, но и эволюционируют известным образом; классический капитализм превратился в империализм, сейчас идет становление и развитие постиндустриального общества.

Анализ изменения формы законов имеет принципиальное значение. В этом можно убедиться на эволюции субстанциональных и структурно-функциональных законов так называемого социализма. Эти законы и их эволюция не были известны социологии, поскольку, кроме исторического материализма, ее не существовало. Наука не знала ни законов социализма, ни их эволюции. Практика западных стран оказалась привлекательной, в связи с чем мы встали на путь первоначального накопления капитала.

Следовательно, наряду с изучением общих законов исторической социологии нужно анализировать ее особые законы и категориальный аппарат.

4. Самой актуальной проблемой исторической социологии является анализ эволюции субстанциональных и структурно-функциональных законов социосферы. При их исследовании появилась исторически конкретная социология. В современной социосфере развиваются первобытные общины и осколки рабовладения, средневековья и капиталистические страны, а также индустриальные общества. Социосфера XXI в. - мозаика различных стран и народов, социальных групп и государств. Эту мозаику и нужно представить в исторической социологии. Основная трудность анализа связана здесь с исследованием соотношения законов и микро и макро событий социосферы [6]. По моему мнению, эта проблема относится к числу теоретических, а поэтому разрешима методами науки. В основе моей уверенности - опыт естествознания, столкнувшегося с такой же проблемой в конце XIX в. Речь идет об открытии Дж. Томпсоном в 1897 г. делимости атома: «это был поистине революционный шаг в то время...» [7]. Опыт анализа микро и макро событий в естествознании полезен в решении проблемы соотношения микро и макро миров исторической социологии.

5. К существенному признаку, согласно которому эти понятия являются общими, относится история, как развитие во времени. Время фиксируется в понятиях - первобытнообщинное, рабовладельческое, феодальное и т.д. сознание, знание, память. Свойства этих понятий можно обнаружить в их объеме. Понятие «историческое сознание» фиксирует одну из форм общественного сознания наряду с политическим, нравственным, эстетическим, правовым и религиозным сознанием. Понятия «историческое знание», «историческая память» фиксируют все формы эмпирического и теоретического, социально-гуманитарного и естественнонаучного знания и памяти. Их особенность также в том, что они относятся к общим гносеологическим категориям. О. Конт писал об особом законе знаний [8]. На последнем "состоянии" положительного знания об обществе явилась социология, названная им социальной физикой. В переходе знания от одного состояния к другому проявляется история знания, а закон, о котором он говорит, относится к особым историческим законам. В наше время область исторического и социологического знаний расширяется [9]. Понятие же «историческая память» - явление одно-порядковое с понятием «историческое знание» и относится к числу гносеологических. Если историческое знание, фиксированное в знаковых системах, соотнести с реальной историей социосферы, его можно рассматривать как историческую память. Вместе с тем вещи, созданные людьми в прошлом и обнаруженные археологами, мы обоснованно именуем историческими памятниками.

6. Отличие личной исторической памяти - в связи с историей и социологией отдельных людей: история есть у каждого. В школе Гиппократы выделяли семь возрастов [10], из их смены складывали историю личной жизни человека - дитя, ребенка, отрока, юноши, взрослого, пожилого, старика. На уровне этих возрастов личность запоминает и воспроизводит эти знания. Способность человека воспроизводить знания, которые он приобретает на каждом из возрастов, и есть личная историческая память. У некоторых эта память уникальна: во-первых, они помнят знания с самого раннего возраста; во-вторых, в очень больших объемах. Вместе с тем каждый нормальный человек, исходя из личного исторического опыта, помнит знания, приобретенные в раннем возрасте. Правда, мы не все их осознаем. Количество информации из внешнего мира в мозг человека выражается числом 100 тыс. единиц (битов) в секунду. Лишь небольшая их часть становится фактом сознания [11]. И, несмотря на это, личную историческую память человека нельзя не признать фундаментальным явлением природы и его социальной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Окладников А.П.* Становление человека и общества // Проблемы развития в природе и обществе. М.-Л. 1958, с. 124.
2. См. *Бобров М.Я.* Законы социологии и истории в производстве жизни социосферы. Барнаул, 2003.
3. См. *Бобров М.Я.* Законы исторической социологии и методы их исследования. Барнаул, 1999.
4. См. *Бобров М.Я.* Законы социологии и истории в производстве жизни социосферы. Барнаул, 2003, с. 224-232.
5. См. *Бобров М.Я.* Структурно-функциональный анализ буржуазного общества в «Капитале» К. Маркса. Барнаул, 1973.
6. *Арон Р.* Историческое объяснение // Философия и общество. 2003. № 4. с. 160.
7. *Томпсон Дж.* Дух науки. М., 1970, с. 32-33.
8. *Конт О.* Курс положительной философии. СПб., 1899. Т. 1, с. 4.
9. *Романовский Н.В.* Социология знания - новые вызовы // Социол. исслед. 2001. №3, с. 55.
10. Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. с. 553.
11. *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М., 1972. с. 5

И.Ф. ДЕВЯТКО – доктор социологических наук, Москва.

1. Историческая социология сформировалась на пересечении исторического дескриптивного знания и социологических моделей объяснения и методов анализа. Представления о взаимоотношениях и взаимовлияниях истории и социологии менялись за полтора столетия. Для классиков социологии интерес представляли исторические нарративы социетального и цивилизационного уровней, их переосмысление в терминах эволюционного теоретизирования. В XX в., после краткого отчуждения и борьбы за автономию истории и социологии, междисциплинарное поле исторической социологии формировалось под знаком влияния социологических методов сбора данных на историографию. Использовались статистики переписей, призывные списки, регистрационные книги, интервью, биографические документы, источники «устной истории». Шел и «обратный перенос» в социологию установок социальной истории. Задача разделения исторической социологии и социальной истории стала казаться большинству историков и социологов менее выполнимой и продуктивной в 1980-е г.г., по мере признания «номологической» значимости результатов, полученных М. Фуко в ходе реконструкции генеалогии институтов современного общества. Почти столь же существенным толчком к интеграции социально-исторического и историко-социологического подходов стала запоздавшая популярность Н. Элиаса, доказавшего

социологическую релевантность микро истории нравов, манер и – шире - регулятивных институтов Запада.

2. Есть теоретические конструкты, генетически связанные с исторической социологией, прежде всего, предельно широкое понятие социальной эволюции как расширенного процесса изменения или трансформации социальных целостностей, когда последующие стадии или состояния развиваются из предыдущих. К «осевым» конструктам можно отнести и концептуальные представления об эндогенных и экзогенных факторах эволюции обществ. Такой взгляд не предполагает ни линейности, ни необратимости эволюционных процессов. При всей вариативности и расплывчатости трактовок, центральными понятиями исторической социологии остаются также «революция», «цивилизация», «исторический тип ментальности», «морфогенезис», «институционализация», «глобальная социальная система», «циклические социальные процессы» (последнее требует оговорки о весьма небольшом количестве *научных* теорий циклов в социологии) и другие. Однако более специфичны для исторической социологии методы - от не утратившего значения сравнительно-исторического до современных подходов к теоретической реконструкции прошлого, основанных на новых типах источников: личных документов, устных повествований, специализированных научных, профессиональных дискурсов, статистики и т.д.

3-4. В последнее время обновленная историческая социология приобретает более центральное положение в «ядре» социологического знания за счет возвращения (на новом теоретическом и методологическом уровне) к интеллектуальным интересам классиков социологии, к поискам ответов на два типа вопросов. Во-первых, как мы оказались «в точке модернити» (несмотря на различия интерпретаций модерна, постмодерна и неомодерна, на что справедливо указывает Дж. Александер). Во-вторых, почему разные сообщества людей (не только на уровне социетальных целостностей, но и на уровне диффузных сетей экономической, политической, идеологической власти, в духе М. Манна) претерпевают изменения, темпы и историческая траектория которых варьируют в широких пределах? В поисках ответов на первый вопрос неомарксистские и неофункционалистские теоретики разрабатывают версии глобализации и мультилинейной эволюции социальных систем и сетей власти. Ответ на второй вопрос возвращает нас к классической проблеме объяснения систематических различий исторических паттернов человеческих обществ. Однако если ранние ответы на этот вопрос сводились к однофакторному детерминизму, либо к отказу от поиска закономерностей и принятию историцистской, идиографической позиции, сейчас изменился подход к взаимосвязи внутреннего и внешнего окружения социетальной системы с характером ее эволюции. Больше внимание привлекают непосредственные и опосредованные воздействия на паттерны перемен в истории. В частности, интересные результаты получены в сфере географических и биологических основ социальной эволюции. Сопоставления различных обществ и культур на единой шкале «природного превосходства», предпринимавшиеся в XIX и XX веках, использование «расово-биологических» теорий дискредитировали этот подход, предопределив отставание в разработке социологами данной проблематики. Сейчас ситуация изменилась. На представления о биологических основаниях социетальной эволюции во второй половине XX в. повлияли данные палеоантропологии, эволюционной биологии, этологии, нейрофизиологии, биогеографии. Борьба с биологическим редуccionизмом, превратившаяся в идеологию корпорации социологов, препятствовала осмыслению новых идей и результатов эволюционной теории и поведенческих наук. В последние десятилетия XX в. есть основания говорить о новой эпохе сотрудничества социологии с биологическими науками, биогеографией и науками о поведении. Пример - новейшие работы в области анализа роли биогеографических контекстов в социетальной эволюции (Дж. Даймонд и др.); исследования роли эмоций в ранний период становления человеческих моделей семейно-родственных связей, паттернов социального взаимодействия, взаимопомощи и сотрудничества, которые обеспечили начальный «Великий скачок» от преимущественно биологической к преимущественно социальной эволюции гоминид (Дж. Тернер и А. Марьянски).

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ – доктор философских наук, профессор, Екатеринбург.

1. Считаю историческую социологию отраслью социологического знания. Если исходить из таких критериев классификации, как специфика предметной сферы отрасли, природа ее возникновения, особенности действия, направленность, одной из групп отраслей социологии будет та, что возникает на «стыке» социологии и иных гуманитарных наук (форм общественного сознания и жизни, стоящих в центре их внимания). Историческая социология, возникшая на «стыке» социологии и истории, пример такой отрасли.

Каковы характерные черты и особенности исторической социологии и ее изучения? 1. У нее специфические предмет и объект исследования. 2. Ее предмет и объект должны быть связаны с предметным и объектным полем социологии, иначе нет единого исследовательского поля и языка, что нарушает целостность и логику социологической науки. 3. Историческая социология – специальная система знаний с категориальным аппаратом, операциональными дефинициями, специфическими методами теоретического и эмпирического исследования, принципами взаимосвязи со смежными отраслями социологического и несоциологического знания. 4. В ее структуре представлено теоретическое и эмпирическое знание. 5. Историческая социология призвана стать связующим звеном между общесоциологическим построением и теоретическим обобщением эмпирического материала, получаемого в предметном поле этой отрасли.

Как соотносить объект исторической социологии и социологической науки в целом? Если под объектом последней понимать общество и информацию о нем, возникает вопрос: о каком обществе как объекте исследования должна идти речь в исторической социологии: прошлом, настоящем, будущем? В этом специфика рассматриваемой отрасли. Социологию в первую очередь интересует современное общество, во вторую – будущее общество и в третью – его прошлое. В понимании объекта исторической социологии акценты смещены: сначала – историческое прошлое в виде информации о нем, затем – современное и потом – будущее общество. Мне импонирует суждение Э. Гидденса: «Прошлое – это зеркало, которое социолог должен поставить перед собой, чтобы, всматриваясь в него, лучше понимать настоящее» (*Giddens A. Sociology. Cambridge, 1989, p. 21*).

О соотношении предметных полей социологии и исторической социологии. Мое понимание предмета социологии, ее предметных зон (чтобы соотносить с ним предметное поле исторической социологии) таково: становление, динамика и взаимодействие социальных общностей в рамках социальных институтов, организацией, структур и систем; социальные процессы, осмысленные социальные действия людей, их поведение; взаимодействие между личностью, социальной общностью и обществом; тенденции функционирования и изменения современного общества как целостной системы (*Зборовский Г.Е. Общая социология. М., 2004, с. 102*).

«Ядро» предметного поля социологии для меня - социальные общности в их взаимодействии, поскольку они в первую очередь репрезентируют общество на уровне взаимосвязей и взаимодействий людей. Для индивидов общество всегда выступало, прежде всего, в виде социальных общностей, в которых они жили, учились, трудились, отдыхали и т.д. и которые занимали свое особое место. В этом смысле предметное поле исторической социологии аналогично проблемному полю всей социологии. Оно включает взаимодействующие социальные общности, рассматриваемые сквозь призму их временного континуума, где нижний предел прошлое, а верхний - будущее. Периферия предметного поля исторической социологии адекватна периферии предмета всей социологии.

О месте и роли исторической социологии в социологическом знании. Благодаря ей социология может раскрывать тенденции развития общества. Поскольку история накапливает фактический материал, историческая социология, обобщая его, позволяет видеть процесс развития, преемственность и повторяемость в главном.

Многое в понимании предмета исторической социологии зависит от взгляда на ее отношения с историей. Историки убеждены, что их наука есть непрерывный процесс взаимодействия между самим ученым и фактами, открываемыми и используемыми им, диалог между настоящим и прошлым. Это, вероятно, справедливо в отношении исторической социологии, которая часто рассматривается как социология исторических процессов.

3. В исторической социологии есть свой понятийный аппарат. Среди узловых понятий ее: изменение, развитие, эволюция, революция, тенденция, динамика, траектория, традиция, социализация, формация, цивилизация, модернизация, глобализация, исторические типы общества, социальное время, историческое время, социальная ностальгия, историческая память и другие. Их вполне можно сгруппировать в рамках онтологических и гносеологических понятий, понятий макро-, мезо- и микроуровней. Основы понятийного аппарата исторической социологии заложены в середине и второй половине XIX в. в теориях классиков социологии.

3. Поскольку историческую социологию я рассматриваю как отрасль (не направление, часть, раздел) социологической науки, структура ее аналогична структуре любой отрасли социологического знания – т.е. трехуровневой: 1) общие социологические теории исторического процесса; 2) специальные (частные) социологические теории, объясняющие различные типы, виды и т.д. исторических изменений и трансформаций; 3) эмпирические исследования исторических процессов и явлений, их фактуальной основы, источниковедческой и историографической базы, анализ и обобщение полученной информации. С известными допущениями эту структуру можно приравнять к другой, также трехуровневой, включающей исследования на макро-, мезо- и микроуровнях. Вероятно, можно говорить о двухуровневой структуре исторической социологии, – теоретический и эмпирический. Но я не могу однозначно ответить на вопрос о ее фундаментальном и прикладном уровнях, точнее – о прикладном уровне. В наличии фундаментального уровня исторической социологии усомнится лишь человек, не имеющий о ней представления. Я плохо представляю прикладное исследование в этой области.

4. Историческая социология – молода. Я согласен с теми, кто относит ее конституирование к периоду 1960-70-х гг. Не имея длительной истории, связанной с выделением этапов и периодов развития, историческая социология оказалась перед «начальным» срезом проблем: определение предмета, метода, методологии, методов и методик исследования, «сквозных» линий и узловых вопросов анализа. Главной среди проблем ее предметного поля вполне объяснимо оказалось развитие человеческого общества в исторической преемственности и изменении. Если учесть, что к числу наиболее крупных представителей этой отрасли социологии относятся И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Б. Мур, Ч. Тилли, Т. Скочпол и др., очевиден широкий диапазон исследовательских проблем – от примитивного, традиционного общества до последствий глобализации. Такая «экспансия» – характерна для современной исторической социологии.

Одну проблему я бы выделил. Отечественному читателю нужны переводы значимых работ представителей исторической социологии. Это способствовало бы усилению интереса к ней молодых исследователей. В стране большое количество исторических факультетов, их выпускники часто ищут **теоретическое** поле приложения своих сил. Не говорю о молодых социологах, которые также могли бы заинтересоваться исторической социологией.

Актуальной для исторической социологии считаю проблему социальной ностальгии (подробнее см.: «Социс»: 2001, № 8; 2003, № 8). В условиях социальных перемен и роста разочарований потребность части общества удержаться в привычных экономических и социокультурных рамках ведет к актуализации «образа прошлого». Социальная ностальгия – индикатор нарушения связи времен, когда переживание действительности обращено к прошлому; настоящее оценивается в сравнении с ним. В отличие от обычной ностальгии, субъекты социальной ностальгии не отдельные люди,

а социальные общности, слои и скопления индивидов. Объектами социальной ностальгии выступают прежние общественный строй и социальный порядок. Социальную ностальгию допустимо определять как созданный *post factum* миф о старом строе.

Б. Н. МИРОНОВ, доктор истор. наук, профессор, Санкт-Петербург

1. *Теоретические* задачи исторической социологии - изучение социальных изменений и тенденций в развитии общества, выявление закономерностей, развитие новой теории, способной обеспечить более убедительные и исчерпывающие объяснения исторических явлений и структур. Ее *верификационные* задачи - проверка социологической теории или частных гипотез на исторических данных, *прикладные* задачи - использование существующих концепций и объяснений для анализа исторических данных. Предметом анализа служат одно, несколько обществ или отдельная сфера общества.

Историческая социология использует инструментарий социологии: (1) переосмысливая исторический материал, собранный и описанный на языке исторической науки, в социологических понятиях и концепциях, (2) познавая исторические явления с самого начала (начиная с постановки проблемы и сбора данных) с помощью социологического инструментария. В первом случае социологические понятия как бы преобразовывают, переобозначают исторический материал. Однако, используя готовую схему упорядочения известных в истории фактов и зависимостей, исследователи в какой-то мере остаются «рабами» этих фактов и зависимостей, не получая принципиально новое знание. Тогда социология не в состоянии получить новое историческое знание. К тому же, переосмысление в терминах социологии готового исторического материала сдерживает большая предварительная работа по соотнесению двух систем понятий - исторических и социологических.

Во втором случае историческая действительность изначально «наблюдается» и расчленяется под углом зрения социологических понятий, в соответствии с ними проходят сбор, обработка и интерпретация эмпирического материала. Иными словами, историческое исследование проходит как социологическое, отличаясь от последнего историческим объектом. Это позволяет эффективнее использовать социологические понятия, концепции, теории, но результаты слабо соотносимы с трудами традиционных историков, имея большее значение для социологов, обогащая их понятия исторической конкретикой и выверяя их концепции материалом истории. К тому же на входе кодирование исторических данных в терминах социологии таит опасность презентизма, поскольку инструментарий социолога предназначен для анализа проблем современности, а не истории. Поэтому и тогда, когда социология имеет фундаментальное значение для исторического исследования, требуется связь терминов исторических источников с социологическими понятиями.

2. Как правило, историческая социология использует готовый понятийный аппарат социологии и истории. Есть случаи введения новых понятий: «фигурация» Н. Элиаса, - облик или цепочки взаимозависимости людей, социальные процессы, в которых люди «сплетены» друг с другом. И хотя понятие получило гражданство в социологии и истории, оно не популярно у исследователей из-за аморфности и многозначности. Более того, в тупике оказывается переводчик, поскольку в рамках одной книги у него разные коннотации – конфигурация, структура, устройство, социальный институт, социальная система, социальная группа [1]. Наверное, и термин Элиаса «придворное общество» приобрел статус в социологии и истории.

4. Среди актуальных исследовательских проблем назову: (а) Осмысление российской истории в рамках и понятиях макросоциологических теорий, включая феминизм; (б) Идентификация России как цивилизации; (в) Стереотипы русскости в России, на Западе и Востоке: происхождение, причины бытования, адекватность; (г) Общее и особенное в развитии России и стран Запада, России и стран Востока; (д) Развитие

рациональности в поведении человека, обуздание чувств и эмоций; (е) Развитие индивидуализма: от соборной к индивидуалистической личности; (ж) Модернизация российского общества; (з) Отечественный и зарубежный дискурс о России как уникальной стране: *конструирование* России.

5. О трудностях развития дисциплины «историческая социология» и способах их преодоления. В целом, отечественная историческая социология такая, какие мы, социологи и историки, суть сами. История России последние триста лет изучается и интерпретируется историками и социологами преимущественно под углом зрения ретроспективного детерминизма. Раз в 1917 г. империя развалилась и существующий режим был свергнут, значит все предшествующее развитие являлось несостоятельным и ущербным. Если в 1991 г. распался СССР и был уничтожен советский режим, значит весь советский период был несостоятельным и шел к кризису. Для изменения ситуации с исторической социологией должны меняться социологи и историки, подготовка специалистов.

В настоящее время на исторических факультетах университетов читают 32-часовой курс социологии, не дающий представления о значении современной социологии для историков. Расширение курса социологии позволит преодолеть односторонне марксистский менталитет студентов. С ним они часто приходят из школы и выходят из университетов. Желательно ввести курс «Историческая социология» на социологических и исторических факультетах. Российские исследователи слабо знакомы с западными работами по исторической социологии. Переводы на русский язык лучших работ помогли бы развитию отечественной исторической социологии. Начало положено. Переведены важнейшие книги Элиаса [2], важные статьи - в альманахах «Время мира» [3], «Одиссей», выходящем с 1989 г. под реакцией отечественного историка и социолога А.Я. Гуревича.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 7-8.
2. .Он же. (1) Общество индивидов / Пер. с нем. М. 2001; (2) О процессе цивилизации: Социогенетическое и психогенетическое исследование / Пер. с нем. СПб., 2001. Т. 1, 2; (3) Придворное общество.
4. Время мира. Вып. 1, 2. Новосибирск. 2000, 2001.
- 5.

А.Ю. РОЖКОВ – доктор исторических наук, профессор, Краснодар

1. Разделяю точку зрения К. Гергена: социологическое исследование есть по преимуществу исследование историческое, направленное на систематическое изучение современной истории. По закону «трех поколений» О. Лоренца правомерно рассматривать общество, где одновременно живут дети, отцы и деды, как общество в разных модусах исторического времени – прошлое, настоящее, будущее. Для меня, историка, занимающегося ювенальными проблемами, близки мысли Х. Ортеги-и-Гассета и К. Мангейма, что история это последовательная смена поколений, а смена поколений – универсальный процесс, основанный на биоритме жизни человека. Процессы социокультурной трансформации подчинены поколенческим ритмам. Историческая социология, с моей точки зрения, призвана, прежде всего, исследовать модели жизнедеятельности человека и общества в генерационной и межгенерационной перспективе, продуцируя теоретические обобщения.

Научная проблема без контекста истории часто ведет социолога к абстрактным рассуждениям и моделированию, далеким от реальности. Нередко социолог обращен к настоящему и не в состоянии понять, верно интерпретировать наблюдаемые процессы; в его мышлении нет исторического измерения объекта по причине игнорирования

(или незнания) истории. Тогда он легко превращает свои категории мышления в качества исследуемой реальности, шлейф проблемы принимая за проблему.

Место исторической социологии в социологическом знании трудно переоценить. Этот симбиоз истории и социологии более необходим не столько для развития исторической науки и исторического знания, сколько для подготовки социологов и развития социологической теории и методологии.

6. Одна из проблем – размытость водораздела между исторической социологией и социальной историей. У многих (к ним отношусь и я) нет понимания границ между вариациями синтеза истории и социологии. Складывается впечатление, что в большинстве случаев разница преимущественно в самоидентификации. Социологически ориентированные историки идентифицируют себя социальными историками; исторически ориентированные социологи – специалистами по исторической социологии. Первые наряду с применением методов социологии тяготеют к конкретно-историческому описанию проблемы, к традиционному для истории анализу источников и литературы. Историческая социология концентрируется на структурных изменениях, социальных процессах в компаративном измерении, стремясь теоретически абстрагировать конкретно-историческую проблему. Для идентификации перспектив анализа важно, чего хочет исследователь прошлого: через применение социологических знаний понять и объяснить прошлое, или помочь исследователям современности плотнее «привязаться» к континууму пространства и времени.

Постоянный диалог историков и социологов через историческую социологию позволит добиться, чтобы слова Ф. Броделя о «диалоге глухих» потеряли актуальность. Здесь взаимно связаны две вещи: недостаточный теоретический уровень историков и интерес социологов к историческому подходу. Полезны междисциплинарные конференции и семинары, проекты. В Краснодаре проведено сравнительное исследование социальных проблем кубанской молодежи в меняющемся обществе 1920-х и 1990-х годов. Проект поддержали РГНФ и администрация края. Выявлены различия в терминологии, подходах, методах, исследовательских процедурах, видах источников. Основными препятствиями для коллектива авторов стали проблема исторической дистанции и отсутствие сопоставимых систем координат в изучении адаптивных процессов в молодежной среде на протяжении двух хронологических периодов. Совместная работа вдохновила на новые проекты.

6. Это то, что отложилось в личной памяти современника эпохи, очевидца события. Носители такой памяти непосредственно осуществляют трансмиссию нормативно-ценностных установок от поколения к поколению, устно передавая потомкам то, как жили раньше люди «на самом деле» (намекаю на избирательное искажение памяти). Правомерно считать личную историческую память каналом преемственности, связи поколений. С помощью ее мы ощущаем себя людьми, гражданами страны, жителями своей местности, наследниками своих предков. Настораживают результаты исследований, опубликованные в «Социологических исследованиях» № 8-2002 и «Вестнике социологического центра РАГС» №2-2003. 5% опрошенных черпают знания и представления об истории народа, страны из семейных архивов. До 60% респондентов ничего не могут сказать о своих прадедах; около 45% не знают или знают весьма приблизительно время основания родного поселка, села, города.

Носители личной исторической памяти вольно или невольно соотносят свои восприятия прошлого с официальной историей, которая периодически корректируется. Личная историческая память людей – это, с одной стороны, противоядие от схематизации, идеологизации истории. Трудно затушевать историю сталинских репрессий, когда живы очевидцы «большого террора». А гарантированы ли мы от подобного самоуничтожения в дальнейшем? С другой стороны, эта память иногда мешает историкам изучать неоднозначные события прошлого. Неискушенный, особенно юный обыватель сопоставит более авторитетный для него взгляд родного деда - очевидца «из окопа» с документами и обобщениями исследователя, не «нюхавшего пороха» и вряд ли довод «я читал в книге» будет весомее, чем «мне дед рассказывал».

Н.В. РОМАНОВСКИЙ – зам. гл. редактора журнала «Социологические исследования».

1. В литературе приводятся определения исторической социологии (далее - ИС), показывающие понимание авторами сущности и содержания ИС. В.В. Кудинов в «Энциклопедическом социологическом словаре» (РАН. ИСПИ. М. 1995, с.716-18 - текст опубликован и в «Словаре-справочнике по западной социологии», 1989 г.) дает определение – «направление в современной С., целью которого является изучение исторических процессов развития общества, социальных систем, институтов и явлений, а также разработка социологических теорий исторического развития, методов анализа исторических данных и т.д.». А.И. Черных (Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социол. исслед. 1999, № 2. К сожалению, автор не смогла принять участие в этом круглом столе) цитирует определения западных авторов. Я предложил формулу: «историческую социологию можно определить как часть социологии, обеспечивающую своими методами знанию об обществе/человеке единство прошлого, настоящего и будущего, дающую временной и пространственный континуум социологическим теоретизированию и эмпирическим исследованиям путем включения исторического прошлого в анализ исследуемого социологом объекта и тем самым определяющую его исторически данные параметры». Это определение частично совпадает с формулировками западных авторов. Я. Алстед (Дания) ориентирует ИС на изучение «развития человеческого общества» и формирование нового качества истории и социологии. Приходилось читать о коктейле из истории и социологии: если в нем больше истории – это социальная история, больше социологии - историческая социология. Перечень этот можно продолжать. Понимание ИС, как и социологии, индивидуализировано. В общем виде, ИС понимается как обращение социолога к исследованию исторического прошлого и как системное применение возможностей социологической науки к данным, относящимся к историческому прошлому.

По поводу места ИС в социологическом знании. Моя работа в этой области подводит к заключению, что речь идет о разделе социологии, скорее всего относящемся к фундаментальным. К тем, которые по роли в эмпирике, по теоретическому потенциалу, по роли в истории социологии и т.д. служили и служат основой нашей науки. Не стану разворачивать аргументацию: все решают критерии отнесения раздела науки к фундаментальным.

2. Я здесь склоняюсь к отрицательному ответу. Требование РГНФ выделять ключевые слова в заявках на грант показало этот факт. Есть, конечно, терминология, возникшая на стыке истории и социологии, есть термины, созданные социологами в ходе исторических исследований. У фундаментального раздела всей социологии не может, по-видимому, быть своей терминологии. Наличие ее говорило бы о фундаменте несколько иной – нежели социология - конструкции.

3. Структура ИС содержит, во-первых, теоретическое ядро: сущность и содержание ИС, место в общей социологии, функции, специфика и т.п. Есть проблема уровней знания в области ИС – от микро проблем, до макросоциологии, в существенной части после Парсонса использующей – в широком смысле – материал истории и ИС. Отдельно я поставил бы раздел об истории ИС, потому хотя бы, что меня не убеждает мнение о возникновении ИС во второй половине XX века (при таком подходе трудно объяснить энтузиазм русского историка В.О. Ключевского по поводу возможностей ИС). Этот раздел обусловлен и тем, что в российских условиях ИС сохраняет черты специфики, сформированной развитием советской и постсоветской социологии, ее взаимодействиями с социологией Запада. Интересен вопрос о методике и методологии работы социолога в сфере ИС.

Отдельно стоит группа проблем ИС специальных социологических дисциплин – от ИС образования (Коллинз) и семьи (Дж. Голдторп) до становления системы социального обеспечения в Японии как факторе японского «модерна» (доклад на конференции международного Института социологии в Пекине, 2004 г.). Интересен раздел

об интеракции (через призму ИС) истории и социологии, науковедческий аспект их взаимодействия.

4. Междисциплинарные, компаративные исследования (ИС в определенном смысле это темпоральный компаратив) на уровне макро-социологических проблем в условиях глобализации очень сложны. Степень сложности растет с углублением исследователя в прошлое. Тем более, что история многих регионов мира написана – если написана – в определенных рамках, нуждающихся в переосмыслении (пример здесь не только Россия и страны СНГ, но и скажем, Южная Африка). О сложности исследований такого рода позволяет судить пионерная «Социология философии» Р. Коллинза (фактически – историческая социология), недавно переведенная на русский язык. Для России ИС лишь начинается. Отечественной ИС предстоит путь, пройденный ИС в Европе и США, начиная с 1970-х годов. Повторю, главная преграда – трудоемкость, затратность исследований подобного рода. Но на определенном этапе развития социологии эта задача становится тем, что римляне называли *sine qua non*.

5. Соотношение исторического сознания (а), исторического знания (б) и исторической памяти (в) можно выразить формулой: $a = б + в$. В шутку добавлю: минус последствия забывчивости (склероза), учет парадоксов памяти респондента, плюс, по Бурдые, история институционализированная.

6. Личную историческую память следует отделять от личной памяти. Последняя хранит и то, что не стало историей, и, возможно, ей не станет. Но для того, чтобы не лишать будущих исследователей возможности обращаться к исторической памяти ныне живущих поколений, их личную историческую память надо измерять при жизни. Это может стать интереснейшим аспектом любых проводимых сейчас опросов. Социально-демографические данные о респонденте – модель, конспект прожитой жизни, который при небольших усилиях может быть обогащен. Автобиографии некоторые аналитики не зря считают мета-теоретическим инструментом. К этому добавлю два аргумента: а) личная историческая память европейских народов всю вторую половину XX века была остройшей политической проблемой; б) попытки управлять исторической памятью в СССР весьма противоречиво сказались на сознании и поведении людей в условиях кризиса конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Круглый стол проведен при поддержке РГНФ, грант № 03.03.00057а